

УДК 378

ПРОФЕССОР Б. Т. УДОДОВ КАК ЛЕРМОНТОВЕД*

А. А. Фаустов, С. В. Савинков

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 30 октября 2014 г.

Аннотация: в статье рассматриваются идеи, методология и стиль научного мышления известного лермонтоведа профессора Бориса Тимофеевича Удодова, для которого главным делом его научной и педагогической жизни стала художественная антропология. В понимании Б. Т. Удодова основным предметом литературно-художественного отображения и постижения является целостный человек, и потому цель художественной антропологии – уловление «парадоксальной логики противоречиво-целостной сущности человека». В версии Б. Т. Удодова антропология – не столько особая литературоведческая парадигма, сколько центральный элемент самой литературной реальности, значимый для ученого именно потому, что за этим кроется исходная интуиция о невозможности «узко однозначных» определений человеческой сущности. Творчество Лермонтова и стало для Б. Т. Удодова самым ярким свидетельством правоты этой – «самой задушевной» – его идеи.

Ключевые слова: художественная антропология, Б. Т. Удодов, полифония, диалог, антиномичность, целостность.

Abstract: this article discusses ideas, methodology and style of scientific thinking of a well-known expert on the works of Lermontov professor Boris Timofeevich Udodov for whom artistic anthropology became the main business of his scientific and pedagogical life. According to B. T. Udodov the main subject of the literary and artistic reflection and comprehension is the whole man and hence the purpose of artistic anthropology is to catch «the paradoxical logic of contradictory-integrated nature of man». In the version of B. T. Udodov anthropology is not so much a special literary paradigm as a central element of literary reality itself, important for a scientist precisely because behind it lies the initial intuition about the impossibility of a «narrowly unambiguous» definition of human nature. Lermontov works became for B. T. Udodov the most striking evidence of the correctness of this «most intimate» idea.

Key words: artistic anthropology, B. T. Udodov, polyphony, dialogue, antinomy, integrity.

Уже почти полвека имя Бориса Тимофеевича Удодова связано в филологическом мире с именем Лермонтова. Вышедшая в 1973 г. монументальная 700-страничная монография «М. Ю. Лермонтов: Художественная индивидуальность и творческие процессы» (основа докторской диссертации ученого); восемь статей в знаменитой «Лермонтовской энциклопедии» (первое издание – 1981 г., второе издание – 1999 г.), в том числе о ключевом для писателя произведении «Герой нашего времени»; опубликованная в 1989 г. книга для учителя «Роман М. Ю. Лермонтова “Герой нашего времени”» (сейчас выложенная в ряду са-

мых известных лермонтоведческих исследований на сайте «Фундаментальной электронной библиотеки “Русская литература и фольклор”» в разделе, посвященном поэту) – таковы наиболее значительные, этапные работы Б. Т. Удодова о Лермонтове. А до них, между ними и после них были еще достаточно многочисленные «лермонтовские» тезисы, статьи, методические пособия (см. библиографию ученого: [1]).

Первой работой ученого о поэте, которому через некоторое время будет суждено стать его постоянным филологическим визави, была статья «Кольцов и Лермонтов» (1960). (Заметим, что и Кольцов будет сопровождать Б. Т. Удодова на протяжении десятилетий; ученым, в частности, будут написаны «кольцовские» статьи для «Лермонтовской энциклопедии» и в соавторстве для не менее популярного словаря «Русские писатели: 1800–1917» (1994).) Среди тем, сближающих двух поэтов, Б. Т. Удодов особо выделит в этой ранней статье противостояние одинокой личности и враж-

* Удодов Борис Тимофеевич (1924–2009) – доктор филологических наук, профессор Воронежского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ, участник Великой Отечественной войны.

Известный в нашей стране и за рубежом лермонтовед, автор более 200 научных и научно-методических работ.

© Фаустов А. А., Савинков С. В., 2014

дебного ей социально-политического окружения, причем специально будет подчеркнут личностный монизм лермонтовского мира, в центре которого «...стоит по существу один и тот же герой, весьма близкий к лирическому...» [2, с. 132]. В поздних работах ученого эта тема утратит некоторый налет социологизма, свойственный ей в статье 1960 г., и вырастет в исключительно важную для Б. Т. Удодова диалектическую антитезу, живую антиномию «временного» и «вечного», ограниченного «социально-видового» и относящегося к человеческой сущности «социально-родового». Одним из наиболее масштабных олицетворений этой распри, ее сюжетно воплощенным образчиком для ученого с самого начала выступают как раз фигура Печорина, а в более широком ракурсе – стоящий за ней тип «странного человека».

Уже вторая по времени появления «лермонтовская» работа Б. Т. Удодова – тезисы «О динамике творческого процесса у Лермонтова» (1962) – завершается словами: «...многое может дать для уяснения специфики художественного мышления поэта исследование эволюции образа “странного человека”, одного из центральных в творчестве Лермонтова» [3, с. 203]. В монографии 1973 г. «странному человеку» будет посвящена целиком третья глава третьей ее части, в которой рассматривается лермонтовская проза, и прежде всего опять-таки роман «Герой нашего времени». Пионерское значение подхода, который предлагает здесь ученый, заключается в решительном переосмыслении привычного в те годы взгляда на Печорина как на представителя когорты «лишних людей», воспринимаемой под знаком идеологии русской «революционно-демократической» критики XIX в. В интерпретации Б. Т. Удодова лермонтовский герой – это личность, противостоящая не только безличностному миру николаевской России, но и всем формам безличностного существования, которые когда-либо имели (или будут иметь) отношение к человеку в «родовом» его измерении. Поэтому «лишность» Печорина, вопреки традиционному ее толкованию, является для Б. Т. Удодова не указанием на социальную бесполезность и ненужность «героя времени», а неоспоримым свидетельством совершенного им подвига саморазвития в человека.

Подвиг этот (и как составная часть художественной реальности, и как предмет изображения) помечен печатью внутренней противоречивости, и подобная антиномичность – родовая примета «странных людей»: «Странность, выходящая из ряда обычных явлений, исключительность и, как правило, внутренняя близость к автору обуславливают прежде всего субъективированность его

изображения <...> большую или меньшую романтизацию. В то же время... это всегда земной человек <...> Это прежде всего и обуславливает реальную, а потом и реалистическую природу образа “странного человека”. Он нес в себе проблему современного человека, шагнувшего в своем развитии дальше большинства современников» [4, с. 516]. Двойственная природа «странного человека» в случае Лермонтова увязывается ученым с глубокой антиномичностью «противоречивости и целостности личности поэта» [там же, с. 210], а она, в свою очередь, ставится в прямое соответствие с антиномичностью лермонтовского «художественного метода» – категории, узаконенной в качестве едва ли не обязательной официальным отечественным литературоведением тех десятилетий.

Идее о противоречивом, но органическом в своей противоречивости синтезе романтического и реалистического методов в «Герое нашего времени» и в лермонтовском творчестве в целом ученый останется верен и в дальнейшем, в том числе в книге о романе, изданной в 1989 г. Однако вскоре эта идея сместится на периферию исследовательской мысли Б. Т. Удодова, а в центр выдвинется другое, причем спутником (а отчасти и «соперником») Лермонтова в ходе такого преобразования научной системы координат сделается Пушкин. Сначала представление об антиномичности как диалогическом слиянии «взаимоисключающих правд» приведет к попыткам ревизии бахтинской концепции полифонического письма, к стремлению придать ей расширительный характер, что впервые будет развернуто предпринято в двух методических пособиях, симметрично названных «Лермонтов: Проблемы поэтики (К теории литературно-художественной полифонии)» (1991) и «Пушкин: Проблемы поэтики (К теории литературно-художественной полифонии)» (первая часть – 1992 г., вторая – 1994 г.), а затем будет сделан еще один шаг, и оба понятия – антиномичность и полифония (диалогичность) – будут объединены в рамках изучения того, что Б. Т. Удодов предложил именовать «литературно-художественной антропологией» или «художественной антропологией в литературе». Терминологически эта смена вех была заявлена в двух работах о Пушкине – в статье «Пушкин: Становление художественной антропологии» (1995) и в монографии «Пушкин: Художественная антропология» (первое издание – 1996 г., второе – 1999 г.). В версии Б. Т. Удодова антропология – не столько особая литературоведческая парадигма, сколько центральный элемент самой литературной реальности, значимый для ученого именно потому, что за этим кроется исходная интуиция о невозможности

ти «узко однозначных» [5, с. 130] определений человеческой сущности. Согласно позднейшим формулировкам, художественная антропология исходит из того, что «...внутренне антиномичен, по-своему диалогичен главный предмет литературно-художественного отображения и постижения – целостный человек...», и главная ее цель поэтому – уловление «парадоксальной логики противоречиво-целостной сущности человека» [6, с. 473, 475].

Иначе говоря, при всех трансформациях научного языка неизменным для Б. Т. Удодова оставалось внимание к личностному – не подчиняющемуся аристотелевской логике – пафосу литературы, который прототипически ассоциировался у ученого с творчеством Лермонтова и прежде всего – с двоящейся, многомерной фигурой Печорина. Такое сочетание изменчивости и константности в научной биографии Б. Т. Удодова характерным образом переключается с устойчивым интересом ученого к динамическим аспектам лермонтовского творчества, открыто базирующегося на работе принципа повторности. Изучение того, как творческий процесс разворачивается от первых стимулов к возникновению последней редакции произведения, было для Б. Т. Удодова ключом к постижению художественной индивидуальности и залогом неустранимости из филологического кругозора личности биографического автора. Напомним, что тезисы 1962 г., в которых впервые употребляется формула «странный человек», посвящены как раз «динамике творческого процесса» у Лермонтова и крупным планом рассматривают генеалогию стихотворения «Смерть поэта». В «лермонтовской» монографии 1973 г. эти проблемы исследуются на обширном (в основном поэтическом) материале в 200-страничной первой части, озаглавленной «Динамика и психология творчества». Причем четвертая глава этой части знаменательно называется «Развивающееся постоянство», а спустя четверть века, в 1999 г., то же словосочетание войдет в заглавие одной из «пушкинских» статей ученого – «Пушкин: Развивающееся постоянство».

Крайне любопытно, что поиски Б. Т. Удодовым метаязыка, способного адекватно выразить его персонологические интуиции, оказались созвучными некоторым методологическим веяниям в западноевропейской филологической мысли той же эпохи. Сошлемся только на два таких «непреднамеренных» пересечения. На рубеже 1980–1990-х гг. крупнейший немецкий гуманитарий, один из основоположников рецептивной эстетики В. Изер выпустит две книги: «Поиски: от читательской реакции к литературной антропологии» (1989) и «Вымышленное и воображаемое.

Перспективы литературной антропологии» (1991), а в начале 1970-х гг. во Франции сложится такое влиятельное направление в филологии (при всей его внутренней неоднородности), как «генетическая критика», у истоков которой стояла монография Ж. Бельмена-Ноэля «Текст и авантекст: черновики одного стихотворения Милоша» (1972) и которая декларировала отношение к истории текста как к динамическому продукту столкновения различных возможностей и особой форме существования произведения. Разумеется, нужно отдавать себе отчет в том, что это разные антропологии и разные подходы к пониманию творческого процесса. Текстцентрические по преимуществу установки генетической критики и ее регулярные психоаналитические уклонения Б. Т. Удодов наверняка бы не принял. Сложнее сказать, как он воспринял бы проект литературной антропологии, горизонт которой, в истолковании В. Изера, очерчивается взаимодействием между вымышленным и воображаемым, но ее критическая направленность, позволяющая человеку заглядывать по ту сторону навязываемых ему социумом отношений, явно была бы ученому близка.

Персонологические устремления Б. Т. Удодова выросли на почве занятий классической русской литературой и питались той рефлексией о человеке, которая наполняла ее от Н. М. Карамзина и Д. В. Веневитинова до Н. А. Бердяева, но особенно была центрирована для ученого в творчестве Лермонтова, Пушкина и Достоевского. (Не следует забывать, конечно, и о воздействии идей Л. Фейербаха и молодого К. Маркса.) Но, в любом случае, то, что поиски Б. Т. Удодовым своего научного языка не оказались, по сути своей, провинциально ограниченными, красноречиво само по себе. Наличие этой уводящей вдаль перспективы позволяет надеяться на то, что работы Б. Т. Удодова не только останутся памятником определенного этапа в развитии отечественного лермонтоведения (и литературоведения вообще), но и надолго сохранят свою значимость для филологической мысли как по-настоящему живые тексты («живые речи», если вспомнить знаменитое лермонтовское стихотворение), к которым снова и снова будут обращаться читатели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борис Тимофеевич Удодов : библиографическое пособие / Воронеж. гос. ун-т, науч. б-ка ; сост. Е. П. Гришина ; науч. ред. В. М. Акаткин ; отв. ред. С. В. Янц. – Воронеж, 2004. – 100 с.
2. Удодов Б. Т. Кольцов и Лермонтов / Б. Т. Удодов // Вестник Воронеж. гос. пед. ин-та. – 1960. – Т. XXX : А. В. Кольцов. – С. 121–132.

3. Удодов Б. Т. О динамике творческого процесса у Лермонтова / Б. Т. Удодов // Первая научная сессия : тезисы докл. и сообщ. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1962. – С. 201–203.

4. Удодов Б. Т. М. Ю. Лермонтов : Художественная индивидуальность и творческие процессы / Б. Т. Удодов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1973. – 703 с.

Воронежский государственный университет

Фаустов А. А., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы

E-mail: aafaustov@list.ru

Тел.: 8 (473) 220-84-98

Савинков С. В., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории журналистики и литературы

E-mail: svspoint@yandex.ru

Тел.: 8 (473) 266-17-56

5. Удодов Б. Т. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» : книга для учителя / Б. Т. Удодов. – М. : Просвещение, 1989. – 191 с.

6. Удодов Б. Т. Художественная антропология в русской литературе XIX века (итоги и проблемы) / Б. Т. Удодов // Ведущие научно-педагогические коллективы / отв. ред. А. С. Сидоркин. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2003. – С. 465–477.

Voronezh State University

Faustov A. A., Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Russian Literature Department

E-mail: aafaustov@list.ru

Tel.: 8 (473) 220-84-98

Savinkov S. V., Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the History of Journalistics and Literature Department

E-mail: svspoint@yandex.ru

Tel.: 8 (473) 266-17-56